

ИГОРЬ
ВАЛЕРИЕВ

ЕРМАК.
ПОХОД

ПОХОД
ОТРЯД
КОНТРТЕРРОР

Москва

*Посвящается моему отцу Валерию Ивановичу и любимой
жене Людмиле.
За их поддержку и помощь.*

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времени» и «АвторТудей», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Акимову Сергея Викторовича, Мармонтова Игоря Георгиевича, Черепнёва Игоря Аркадьевича, Шарипова Евгения Ивановича.

ΠΟΧΟΔ

Пролог

Я стоял на горячей палубе парохода-крейсера «Херсон», который совершал рейс Одесса — Владивосток. Мы быстро шли в море на норд-ост, в Порт-Артур. Вдалеке показался берег, пустынный, зубчатый, с желтыми скалами.

— Тигровый Хвост показался, скоро и маяк будет виден, — раздалось за моей спиной.

Резко развернувшись, я увидел Генерального штаба капитана Морозова Виталия Викентьевича, который служил в Шанхае помощником военного агента Южного Китая полковника Дессино и вторые сутки был моим гидом не только по местным достопримечательностям, но и по всем новостям и слухам от Шанхая до Владивостока. Такая благосклонность и дружелюбие были вызваны тем, что мы оба носили мундиры корпуса офицеров Генерального штаба.

Почти три с половиной года назад мне удалось поступить в Николаевскую академию Генерального штаба. В девяносто девятом году окончил её с малой серебряной медалью, с занесением фамилии Аленин-Зейский на мраморную доску рядом с именами выдающихся выпускников в конференц-зале Академии. Досрочно получил чин капитана с формулировкой «за успешное окончание дополнительного курса».

Годом ранее таких же успехов добился Лавр Георгиевич Корнилов. Ага, тот самый Корнилов, который в моём мире стал Верховным Главнокомандующим в одна тысяча девятьсот семнадцатом году и если бы не побоялся малой крови, то ещё летом того же года мог бы стать диктатором России. И куда бы повернула тогда история моего потока времени и пространства, не предсказала бы и Кассандра.

Я не оговорился, и я не сумасшедший. Почти двенадцать лет назад моё сознание гвардии подполковника Аленина Тимофея Васильевича каким-то образом перенеслось из две тысячи восемнадцатого года в тело четырнадцатилетнего казачонка Амурского войска и моего

полного тѣзки в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год. Тимоха Аленин был моим каким-то дальним родственником, но в моём потоке времени он погиб летом именно восемьдесят восьмого при набеге хунхузов. Мне же после попадания в тело Тимохи с помощью знаний и умений офицера спецназа с большим боевым опытом удалось спастись, уничтожив бандитов.

Дальше со мной много чего произошло в этом мире. Из казачка-пастушка и сироты дослужился до Генерального штаба капитана. Наградами увешан, как бобик блохами, и это всё в двадцать шесть лет. А всё началось с того, что я закрыл своим телом цесаревича Николая от пули снайпера. Чудом остался жив. Потом поступил в Иркутское юнкерское училище, которое закончил за один год. От императора Александра III за спасение сына получил орден Святого Георгия четвёртой степени, потомственное дворянство и приставку Зейский к фамилии. Императрица подарила очень неплохое имение рядом с Гатчиной. По указанию государя был личником у Николая, когда отец направил его наместником на Дальний Восток. Ещё два раза предотвратил покушения на будущего государя императора Всероссийского Николая II. После чего сопровождал его на встречу с будущей женой Еленой Орлеанской.

В этом мире произошли кое-какие изменения. «Гессенская муха» вышла замуж за будущего короля Великобритании. Так что гемофилия царскому дому Романовых не грозит. Елена Филипповна, так окрестили французскую принцессу, уже принесла счастливому Николаю двух погодков мальчишек-здоровяков, и, насколько мне шепнули знакомые при молодом дворе, скоро будет третий ребёнок. Цесаревич очень девочку хочет. Вот и старается. Наследник есть, перед государством долг выполнен, теперь можно и для души ребёночка сотворить.

Ещё большим отличием на май одна тысяча девятисотого года было то, что император Александр III до сих пор живёт и здравствует. Всю камарилью из своих братцев и прочих Романовых держит в железном кулаке. Последнюю пару-тройку лет активно привлекает к управлению страной Николая. Георгий тоже живой, но здоровье не ахти. Настой из женьшеня с различными травами, приготовленный Ли Джунг Хи и переданный мною императору, видимо, помог поддерживать иммунную систему, но с туберкулёзной палочкой не справился. В остальном же события в этом мире текут более или менее похоже с моим. Это с учётом того, что я помнил по историческим событиям моего мира в это время.

История была не мой конёк, поэтому помню только крупные исторические события. Если исходить из них, то в этом году грядёт русско-китайский поход, а далее через четыре года война с Японией. Здесь,

как и в моём мире, господин Витте смог продать и у императора Александра III строительство железной дороги через Маньчжурию.

По плану сооружения Великой Сибирской магистрали, утверждённому в одна тысяча восемьсот девяносто втором году, намечалось продление Забайкальской линии параллельно Амуру от Сретенска до Хабаровска и от него до Владивостока. Но затем родилась новая идея — соединить Сибирскую дорогу с Уссурийской более коротким путем через Маньчжурию. Китайско-Восточная железная дорога, как назвали этот участок, выпрямила бы Сибирскую магистраль, сократив ее длину более чем на пятьсот верст.

Мысль о постройке КВЖД возникла впервые после проведения изысканий трассы вдоль Амура, которые показали, что запроектированное продолжение Транссиба от Сретенска по долине Амура до Хабаровска сопряжено со значительными техническими трудностями. Поэтому соединение Сибирского пути с Владивостоком прямым железнодорожным путем через Маньчжурию многим представлялось более выгодным.

На данном варианте очень настаивал министр финансов Витте, считавший, что Китайско-Восточная железная дорога будет содействовать мирному завоеванию Маньчжурии. Сторонники варианта прохождения Транссиба вдоль Амура обосновывали его последующим ростом возможностей экономического и социального развития российских территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Генерал-губернатор Духовский был против КВЖД, заявляя, что даже в случае присоединения Маньчжурии к Российской империи, важность для России Амурской железной дороги оставалась бы огромной. Он подчёркивал, что ни в коем случае нельзя прекращать намеченное ранее строительство железнодорожной линии вдоль Амура. Возможно, из-за этой твёрдой позиции он уже второй год на должности туркестанского генерал-губернатора. Сергей Юльевич — человек сложный, злопамятный и влияние при дворе имеет очень большое.

В пользу КВЖД сыграли и результаты японско-китайской войны, после которой началась дипломатическая война мировых держав за сферы влияния и концессии в империи Цин. Активно в ней участвовала и Российская империя. В результате этих действий Россия получила в полное и исключительное арендное пользование на двадцать пять лет Люйшунь и Далянь с прилегающим водным и территориальным пространством при сохранении и не нарушении верховных прав империи Цин на данную территорию.

Люйшунь, или уже Порт-Артур, как чисто военный порт России и Цин, объявлялся закрытым для судов всех других держав. А все

бухты Даляня, или Дальнего, кроме одной, которая предназначалась только для России и Цин, объявлялись свободными для доступа торговых судов всех стран. Конвенция также дала право Обществу КВЖД соорудить железнодорожную ветку от одной из станций КВЖД до Даляня, а в случае необходимости и до иного пункта между городом Инцзы и рекой Ялуцзян.

На этой территории, полученной Россией по конвенции, была образована Квантунская область, в «столицу» которой город Порт-Артур и направлялся сейчас пароход-крейсер «Херсон», где я был пассажиром каюты первого класса.

В эту командировку вырвался с трудом. Генерал-лейтенант Сухотин — начальник Академии — настоятельно рекомендовал сам, а может быть, и с подсказки кое-кого выше, оставить меня при Главном штабе. По его протекции попал в Военно-ученый комитет Главштаба, чтобы дальше продвигать развитие военной тактики по применению малых разведывательных и диверсионных групп, вооружённых автоматическим оружием, в тылу противника. В общем, как-то так называлось то, чем я более полугода занимался на новом месте службы.

Всё бы ничего, и служба действительно была интересной, так как в большей степени я пропадал в Ораниенбаумской стрелковой школе, где на базе кавалерийского эскадрона и пулемётных команд созданного ещё в девяносто пятом году пулемётного отдела отрабатывал различные тактические приёмы. Кроме этого, там же шли постоянные испытания новых модификаций пулемёта Мадсена. С уже генерал-майором Вильгельмом Мадсеном меня связывают на настоящий момент очень близкие отношения, которые выросли из коммерческого и конструкторского взаимодействия.

Благодаря моим советам и результатам испытаний в школе, последняя модификация пулемёта имела защитный кожух, укороченный ребристый ствол и уменьшенные сошки, надульник для усиления импульса отдачи ствола и ускорения перезарядки, пистолетную рукоять и более удобную, эргономичную форму приклада. Получился просто замечательный ручной пулемёт для своего времени, равного которому не было во всём мире. И эти пулемёты уже начал «клепать» Ковровский завод, ещё не дождавшись окончательного решения Главного артиллерийского управления о его приёме на вооружение русской армии. Но такой вердикт был не за горами, а двадцать модифицированных пулемётов вместе с грудой ящиков с патронами лежали в трюме парохода. Таким вот образом я забрал у завода свои годовые выплаты по акциям и привилегиям за некоторые конструкторские новшества в пулемёте. Правда, потом буду должен написать

подробный отчёт в ГАУ о применении данных пулемётов на практике со всеми подробностями.

Почему же от такой интересной службы я напросился в командировку на Дальний Восток и на возможную войну, спросите вы? Ответ прост. В Главном штабе я был «белой вороной». Непонятно какого происхождения, увешан наградами, которые многие штаб-офицеры, а то и генералы не имеют. Такое ярко выраженное отношение неприятия я впервые увидел при поступлении и учёбе в Академии. Наверное, поэтому я и сошёлся с Деникиным, который восстановился на мой курс, и с Корниловым, который учился на год старше. К ним отношение было похожим. Один — сын офицера, который выслужился из крепостных крестьян. Второй, как и я, сын казака, а про казашку мать из среднего жуза лучше вообще не вспоминать.

В общем, допекли меня такие взаимоотношения со столичными офицерами-генштабистами, вот и рвался куда-то на периферию. Лавр Корнилов по окончании Академии упылил в Туркестан, пообещав писать. Антон вообще отчебучил. По окончании дополнительного курса он, как и я, был произведён в капитаны и должен был остаться при Генштабе. Однако накануне нашего выпуска генерал Сухотин по каким-то причинам изменил список выпускников, причисленных к Главному штабу. В результате Антон не попал в их число и накатал жалобу на имя государя. Собранная военным министром академическая конференция признала действия Николая Николаевича незаконными, но дело попытались замять. Деникину предложили забрать жалобу и написать вместо неё прошение о милости, которое пообещали удовлетворить и причислить офицера к Главному штабу. На это тот ответил: «Я милости не прошу. Добиваюсь только того, что мне принадлежит по праву». В итоге жалобу отклонили. Антона к Главному штабу не причислили «за характер», и он отправился служить в свою Вторую артиллерийскую бригаду в Белу.

А я после окончания академии просился в Бурскую республику, где вот-вот должна была начаться англо-бурская война. В этом мне было отказано. На Дальний Восток через полгода выехать разрешили, и то после моей личной просьбы к императору, когда он приехал в Ораниенбаум на испытания новой модификации пулемёта. Откомандировали в распоряжение генерал-губернатора Приамурья Гродекова с целью испытаний новых пулемётов на практике. Николая Ивановича я хорошо знал ещё по своей прошлой службе при генерал-губернаторе Духовском. Гродеков с девяносто третьего года был замом у Сергея Михайловича. Поэтому была надежда, что по старой памяти смогу нормально пристроиться к какому-нибудь подразделе-

нию и активно поучаствовать в русско-китайском походе. А то столичная жизнь уже достала!

Все эти мысли пролетели в моей голове, пока любовался приближающимся берегом под комментарии капитана Морозова. Он был очень говорливым человеком. Сыпал слов сто в минуту. И ему было достаточно кивков головы от собеседника и редких слов, типа «да», «конечно» и такое прочее.

Между тем мы вышли на рейд, где стояли два корабля: стройный двухтрубный крейсер «Адмирал Корнилов» и величественный, великолепный четырёхтрубный крейсер «Россия». Я с большим интересом рассмотрел корабли, мимо которых мы проходили. А потом под монолог Виталия Викентьевича начал рассматривать бухту и берег. Знаменитый Порт-Артур расстилался передо мной.

Трехплечая, или треххолмная Желто-золотая гора, китайская Хуан-Цзинь-Шань, высоко уходя к небу, расставила над городом свои надежные каменные объятия. В течение многих веков разные народы хозяйничали на этой горе: китайцы, чжурчжени, монголы, маньчжуры и японцы. Теперь ею командуют русские, и ее утесы и скрытые в них батареи являются надёжной защитой для разбросанного внизу теперь уже русского города.

«Будем надеяться, что через четыре года Золотая гора в Порт-Артуре не узнает той участи, которая была в моём мире, а получит не менее славную, но более счастливую историю», — подумал я, рассматривая открывающуюся панораму.

Потихоньку втягиваемся в бухту. Направо и налево торчат острые красные слоистые скалы, с расположенными на них батареями. У молчаливых, но грозно глазающих орудий, под деревянными зонтиками, стоят часовые с обнаженными шашками и посматривают на проходящее судно.

Два белых остроконечных камня на горе, поставленные один выше другого, указывают судам створ, по которому они должны входить в гавань в узком проходе, между Тигровым Хвостом и Золотой горой.

Вошли в гавань и оказались в скоплении различных судов. На пароходах под разными флагами стучат и визжат лебедки, кричат на разных языках матросы. Вот китайцы на расписной джонке дружно поднимают рыжий промасленный парус и с каждым рывком хором вскрикивают. От западной стороны гавани, где, по словам Морозова, находятся пристань морского пароходства и вокзал строящейся Маньчжурской железной дороги, доносится лягз стучающихся вагонов и свистки паровозов. Шум и разноголосый гам стоит над гаванью.

«Здравствуй, Порт-Артур, город русской боевой славы. Надеюсь, в этом мире ты не сдашься. А я тебе помогу. За четыре года, если

с умом взяться, можно многое успеть», — с этими мыслями я по совету капитана Морозова отправился в каюту надевать парадный мундир. Виталий Викентьевич пообещал провести экскурсию по городу и тем местам, где русские офицеры могут замечательно и экзотично отдохнуть. Стоянка парохода в Порт-Артуре была рассчитана на три дня. Большое количество груза надо было выгрузить и загрузить.

Глава 1

ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ

Я стоял перед трапом, ожидая капитана Морозова. «Парадная форма офицера Генерального штаба явно не для этого климата. Жарковато, быстрее бы в какую-нибудь тень нырнуть. А ведь только тридцатое мая. Что же будет дальше», — лениво текли мысли в моей голове.

— Тимофей Васильевич, извините, несколько задержался. Собирал вещи, — услышал я за спиной голос Виталия Викентьевича и развернулся к нему.

Надо было видеть лицо Морозова. Всё время, как капитан стал пассажиром парохода в Шанхае, он видел меня только в лёгком белом мундире, который я специально захватил в дорогу, предполагая жару в пути. Наград я на нём не носил, поэтому при нашем знакомстве Морозов, который был старше меня лет на шесть и четыре года назад закончил Николаевскую академию, по своей воле взял надо мною шефство, знакомя со спецификой службы в Квантуне и на Дальнем Востоке. С учётом его любви к разговору, о себе я Морозову практически ничего за полтора дня не успел поведать.

— Да... Это... Как же... У нас же войны-то давно не было... Тимофей Васильевич, а где вы «кдюкву» и Георгия заслужили? — промямлил капитан, удивлённо разведя руками. На его мундире не было ни одной награды.

— Виталий Викентьевич, вы обещали меня познакомить с хорошим местом отдыха. Вот там за столом, который не качается, я вам всё и расскажу. Не здесь же разговаривать.

— А я думал, что взял над молодым выпускником альма-матер шефство и учу его жизни, — удручённо произнёс Генеральный штаба капитан. — Однако вы хитрец, Тимофей Васильевич, за полтора дня, что мы знакомы, я о вас ничего не узнал. Зато о себе рассказал всё, начиная с рождения.

— Виталий Викентьевич, дорогой, ведите меня скорее куда-нибудь в тень. А то сейчас, как Снегурочка, растаю. Это вы уже